

ЦИРК

В ОТ они так славно сидят: Юра напротив Кеша, спокойно смотрят в глаза друг другу. Светлые узкие глаза с расплывшимися к вечеру черными кругами зрачков. По ним Юра может узнать, например, днем, почти точно, который час, и еще многое другое, о чем захочет сообщить ему Иннокентий. Что понимает Кеша, глядя в глаза Юры, не дано знать никому. Но взгляд его честен и прям, без лукавства и подвоха; сидит Кеша, мягко опираясь на лапы, и только светлый кончик пушистого в темную полоску хвоста мелко, но сильно вздрагивает. И кажется, что этот крупный густошерстный кот, как настоящий актер, собран, подтянут, сосредоточен на предстоящем выходе — под свет прожекторов, к зрителям.

Партнер его, клоун Юрий Куклачев, клеит себе красный нос, румянит щеки, рисует глаза. Кеша внимательно (если бы это касалось человека, я бы сказала — придирчиво) следит за всеми движениями Юры. Мимо открытой двери их грим-уборной провали чуть ли не целый табун разнаряженных лошадей — только правое ухо сдвинулось в сторону двери, никто даже головы не повернул: ни Кеша, ни кошки Стрелка и Ромашка, тоже готовые к выходу на арену. И только лохматая братва — Паштет, Крокодил, Тюнька, четвероногие коллеги котов и кошачьих Юрия Куклачева, — звонким лаем поприветствовали цоканье копыт, предвещающее начало представления.

Собаки — такой народ, они очень любят выступать. Попробуй не возьми, когда по программе их выход, — поднимется вой, начнутся волнения. И чтобы такой ошибки не произошло, они замечают: Саша Герасимов — помощник Куклачева — уже подвез к дверям расписную тележку, на которой они вместе с Кешей вывозят Юру на арену, значит, бегом к тележке, без всяких приказаний и напоминаний. Впрыгивают, лапы смиренно прижаты к мохнатым животикам, глаза блестят — ну что ж, поехали! Где там Иннокентий с Юрой запропастились?

Лана — жена, друг, сокурсница по театроведческому факультету ГИТИСа и «соавтор» выступлений Юры Куклачева — уже в привычном костюме униформиста, худенькая, большеглазая, с короткой, как у мальчишки, стрижкой. Знакомая мелодия доносится со стороны арены: динамика приглашает к выходу... И в самом деле — поехали!

Этого не видят зрители. Они нетерпеливо ерзают на своих местах, переговариваются, шуршат фантиками от конфет — ждут «кошачьего клоуна».

Мне совсем не хочется обижать других клоунов. Они блестяще выступают в новой программе, посвященной 60-летию советского цирка. Может быть, некоторые из них известны Юре Куклачева — целое «созвездие» клоунов выступает в этой цирковой программе.

Но все чаще слышу от знакомых и незнакомых людей: мы достали билеты, идем в цирк, там будет клоун, ну, тот самый, который с кошками, симпатичный... с кошками... Еще не внедрилось в память, не окрепло, не встало на ноги его имя, а все-таки «идут на него». В цирке всегда на кого-нибудь «идут». Зрители определяют свой выбор безошибочно. Наше детство и детство моих родителей «ходило на Карандаша». И в тот день, когда я впервые попала за кулисы цирка, чтобы встретиться с Куклачевым, я запомнила не столько самого Юру с его «актерами». Я запомнила, как от закулисной столбовой, без грима, но «по-карандашному» смешно и сразу

узнаваемо, в домашней рубашке, с полной миской еды в напряженной руке шел мне навстречу любимый клоун, и у двери в его грим-уборную стояли две крепкие молодые Кляксы — в нетерпеливом ожидании обеда. И я поклонилась, сказала «здравствуйте», заулыбалась во все незнакомому мне человеку — редкого дара артисту, Герою Социалистического Труда Михаилу Николаевичу Румянцеву. Я видела — он был рад, что я поздоровалась с ним. Ведь он почувствовал, что я сказала ему во много раз больше, чем «здравствуйте»... Может быть, я рассказала ему, как пережили мы войну и жили потом на Самотеке, рядом с Цветным бульваром, около старого уютного цирка; как помню до сих пор его классический номер: Карандаш собирает статуи — цирк до слез рыдает от смеха, это после всего, что мы пережили... «Как уши натирают снегом, как вкус лекарства на губе... Есть в мире очищение смехом, ведь вправду смех — возврат к себе!» — уже потом и, наверное, не по этому поводу напишет поэт Евгений Винокуров. И как настоящий, хороший поэт правильно выразит целое состояние. Карандаш помогал измученным, ожесточенным сражениями людям возвращаться к себе, находить себя.

Московская школа клоунов... Их имена бессмертны: Дуров, Румянцев, Вяткин, Никулин и Шуйдин, Олег Попов... И вот уже подрастает молодое поколение. Огромный конкурс в цирковом училище. Все хотят смешить людей. Повезло? Жажда славы? Или стремление полнее выразить себя даже в, казалось бы, примитивно смешных ситуациях?

Сын Москвы, Бутырок, точнее Огородного проезда, лихого послевоенного времени, голодного сорок девятого года рождения, Юрий Куклачев рос наперекор всему крепким парнем. Пока учился в школе, он «перепробовал» все доступные виды спорта: баскетбол, волейбол, гимнастика, борьба, бокс — и остановился на беговых коньках. Тогда по всему миру гремела слава наших конькобежцев, и стадион «Буревестник» тоже был переполнен желающими побить мировые рекорды. Среди них Юра Куклачев, который в то же время, с четвертого класса, по его собственным словам, «как настоящий слон», каждый год все-таки пытался поступить в цирковое училище на отделение клоу-

нады. Его не брали — не было «данных».

Не знаю, что думает по этому поводу сейчас Юра Куклачев, но мне самой кажется, что по своему экзаменаторы были правы: они искали «данных», похожих, напоминающих кого-то. Так всегда проще «увидеть, узнать» дарование. В литературе ведь то же самое: с «похожими» легче, чем с «непохожими». А Юра Куклачев был как «кошка, гуляющая сама по себе». Уже тогда, с первых шагов, не понимающий, не осознающий, но предчувствующий свое призвание.

Да, не принимали. И после восьмого класса он пошел в ПТУ, готовился к работе в типографии. Стал учиться и в вечерней школе. И нашел клуб «Красный Октябрь» при заводе «Памяти революции 1905 года». Там — народный цирк. Юра научился жонглировать, стоял на руках, манипулировать с зонтиками, ходить по свободной проволоке, крутить сальто-мортале — в общем, стал до того ретиво заниматься, что освоил почти все жанры... И в конкурсе артистов народных цирков, посвященном 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, Куклачев оказался единственным лауреатом среди клоунов, и один вел он заключительный концерт на арене московского цирка, сразу два отделения, репризы в паузах, работал от души, был счастлив, смел, находчив, умен, обаятелен, пластичен. И... присутствующие на представлении педагоги циркового училища, помнившие упорного, «настырного слона» по неоднократным поступлениям, сдались: мы тебя берем, Юра, два тура, считай, прошел, приходи сразу на третий!

Что такое счастье? Не то, дурачков, которое падает с неба, а настоящее, долгожданное? Как пик, как высшая награда за труд, осуществленное желание... И — банка огурцов с помидорами «Ассорти», случайно задевая на балконе; осколки, перерезавшие сухожилия, нервы; травматология 50-й городской больницы на опушке Тимирязевского лесопарка; омертвевшая нога; уверения врачей: «В цирке вам не работать», костыли; кое-как приковылял на 3-й тур — соврал: «Чепуха, на пляже наступил на стекляшку...»; жонглировал, стоял на руках; сделал сальто-мортале, чтобы только взяли. «Ну хорошо, приходи перед занятиями первого сентября, посмотрим, как решишь с тобой». — «Да что, у меня завтра все пройдет!»

...Кот Кеша дремлет под наш разговор, бережет силы — слышал, после выступления ждут в Дома журналистов, Юра берет его с собой. Что поделать, кому другому, может быть, и отказал бы, но Юре... Он же свой человек!

А Юра, гримируясь к очередному выходу и торопливо пересказывая мне «вехи» своей три-

там, где рассчитывал, где ждал его, увидеть всплески рук, удаляющихся в колени, заметить девчонку с бантами, взвизгивающую от восторга, почувствовать жадную наэлектризованность рядов, их ненасытные аплодисменты... И безграничную, преданную любовь.

То, что делает на арене Юрий Куклачев, пересказывать бессмысленно: надо видеть. С котами делает он, казалось бы, невозможное. Хотя до него были попытки выступать с дрессированными представителями кошачьего племени, номера «не выглядели» — котов дрессировать нельзя.

— Я только приглядываюсь, что они умеют делать, — объясняет Юра.

Мне кажется, не только в этом дело. Коты — народ самостоятельный, думающий, мудрый. Им не нужен хозяин — им нужен друг. Друга они уважают. Готовы защитить его от опасности (вспомните отважного австрийского кота, награжденного медалью за спасение трехлетней девочки от огромной разъяренной овчарки; котов, спасающих хозяев от нападения ядовитых змей); готовы вернуться к нему, преодолевая многие десятки и даже сотни километров (следите за прессой); готовы ходить с ним на охоту и рыбную ловлю; готовы, если на то пошло, даже сняться с ним в кино (кот, сыгравший в известном фильме «Завтрак у Тиффани», получил приз «за выдающиеся актерские достижения», в этом же фильме одну из главных ролей играла знаменитая актриса Одри Хепберн, ей такого приза не досталось; черный кот Рубарб в Голливуде сыграл двести пятьдесят ролей, имеет четырех дублеров, для него содержат двух докторов; в фильме Уолта Диснея «Операция «Кот»» снимался сиамец, настолько побивший публичку, что фильм с его участием побил все рекорды по числу посетителей и о коте критика писала как о выдающемся артисте).

Юрию Куклачеву, до того как он завоевал симпатии зрителей, удалось расположить к себе котов и кошек. Они ценят в нем человека. Это так. Иначе бы нам не видеть их всех вместе на арене. Прекрасная рекомендация.

...И Кеша смотрит в глаза Юре открытым, светлым взором: минут пятнадцать я с тобой поработаю, а уж потом — извини... лучше — бегом с арены, дичаю...

— Дикий он котика, — говорит Юра, отводя глаза от Кеша и словно бы прочитав его мысли. — Если времечко за кулисы не уйдет...

И дальше следует один из интересных рассказов-историй из бурной жизни современника Кеша и других его современников, и все эти рассказы теперь записаны Юрой, собраны в небольшую книжницу, которая выйдет в издательстве «Детская литература».

Динамик хрипит: «На арену, на арену», мохнатые, лохматые, хвостатые артисты волнуются, Юра берет красный коляк и — никаких «почему», а только лихая, от души улыбка, светлые глаза, победно блестит красная шишка носа.

Между нами — алый плюшевый барьер, и я вместе со всеми зрителями, на стороне зрителей, чуть притронувшись несколько минут назад к «закулисным тайнам» клоуна Юрия Куклачева, немедленно забываю про них. — из-под темного купола цирка на узком посеребренном месяце в свете единственного прожектора, раскочиваясь над ареной, плавно спускается белая с рыжеватыми пятнышками кошка Ромашка...

Наталия ДМИТРИЕВА

Зот и клоун